

Как видим, русские принципы гастрономического «этикета» отличаются следующими признаками:

- традиционность и ритуальность застолья;
- допустимость вторжения во внутренний мир сотрапезника;
- контактность и эмоциональность;
- прямота излияния чувств;
- контрастность модусов потребления (сытости / голод);
- обилие ассортимента блюд.

Итак, приведённый фактический материал и комментарии к нему не исчерпывают всего многообразия проявлений этнокультурной специфики гастрономической коммуникации. Мы всего лишь предприняли попытку описания доминантных межкультурных различий двух кодов-культур потребления пищи: русской и французской. Выбор материала объясняется авторской интерпретацией позиций данных этнокультур в развитии мировых цивилизаций. При этом результаты проведённого анализа не рассматриваются как единственно верные и всеобъемлющие, а лишь как версии для исследовательских перспектив. По нашему мнению два суперэтнуса (российский и французский) играли, играют и будут ещё долго играть ведущие роли в гастрономических диалогах между представителями большей части мировых культур.

УДК 811.112.2

ОТРАЖЕНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТИВНОГО КОДА И ЯЗЫКА В АВТОРСКОМ ДИСКУРСЕ

Скокова Татьяна Николаевна
кандидат филологических наук, доцент
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
г. Белгород, Россия
Skokova@bsu.edu.ru

Ярыгина Ольга Николаевна
старший преподаватель кафедры иностранных языков
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
г. Белгород, Россия
Yarygina@bsu.edu.ru

Аннотация

В данной статье рассматривается процесс трансформирования смысловой модели авторского дискурса Дж. Барнса, посредством которого модуль-отношение «ощущения – вербализованные образы», возникающий как индивидуальное состояние, репрезентирует субъективные коды авторского сознания.

Ключевые слова: субъективный код, вербализованный образ, смысловая модель, авторский дискурс.

REFLECTION OF INTERACTION BETWEEN THE SUBJECTIVE CODE AND LANGUAGE IN AUTHOR'S DISCOURSE

Skokova Tatyana
Ph. D. in Philology, Associate Professor
Belgorod National Research University
Belgorod, Russia
Skokova@bsu.edu.ru

Yarygina Olga
Senior Lecturer
Belgorod National Research University
Belgorod, Russia
Yarygina@bsu.edu.ru

Abstract

The research paper dwells on the transformation process of the notional model of the author's discourse of Julian Barnes. Due to this process, the module-relation "perceptions-verbalized images" appearing as an individual state represents the subjective codes of the author's consciousness.

Keywords: subjective code, verbalized image, notional model, author's discourse.

Целью данной статьи является когнитивно-семантическое построение модели организации смысла дискурса английского писателя Дж. Барнса в произведении «Предчувствие конца» («The Sense of An Ending») по языковым репрезентациям и различным авторским реализациям, а также на основании выделения и описания специфики их представления в данном авторском дискурсе. Модель видится нам упорядоченным множеством языковых элементов, которое, по А. Лосеву (1968), с одной стороны, представляет собой системное целое, а с другой, – расчлененность всех входящих в эту систему элементов и их комбинаций.

Главная задача состоит в выявлении субъективного кода, проявляющегося в смысловых составляющих, с помощью которых осуществляется дифференциация и экстериоризация индивидуальных телесно-перцептивных, чувственно-эмоциональных, логико-понятийных и ценностно-мотивационных компонентов авторского сознания (или глубинных структур его образа мира). Сила субъективной мысли, «противопоставленной вселенной, является в той степени силой, в какой картина вселенной – а собственно говоря, всегда только какой-то фрагмент картины вселенной – верно в ней отражается; способность мысли отражать действительность, что означает способность к тому, чтобы мысль могла адекватно реагировать на внешние раздражители, чтобы она могла определяться этими раздражителями, – это ее познавательная способность» [4, 13]. Осмысленному видению авторской интенции, направления вектора его сознания, мышления на какой-либо предмет служит реализуемый в речевой деятельности язык.

Все формы человеческого мировосприятия субъект использует для познавательного процесса. Рассмотрим, как через речевую деятельность осуществляется объективация такого модуля-отношения глубинных структур образа мира, как «ощущения – вербализованные образы».

Образы внешнего мира возникают при получении экстероцептивных ощущений, характеризующихся своей модальностью. Тактильные ощущения, вызываемые прикосновением, надавливанием, вибрацией, ощущения протяженности или величины чего-либо, слуховые ощущения, какими являются в частности громкость и высота звука, а также другие зависят не только от физиологических способностей индивидуума, но и от культуры в широком ее понимании.

Все мы существуем во времени – оно нас и формирует, и калибрует, но у меня такое ощущение, что я его никогда до конца не понимал. Не о том речь, что оно, согласно некоторым теориям, как-то там изгибается и описывает петлю или же течет где-то еще, параллельным курсом. Нет, я имею в виду самое обычное, повседневное время, которое рутинно движется вперед заботами настенных и наручных часов: тик-так, тик-так. Что может быть убедительнее секундной стрелки? Но малейшая радость или боль учит нас, что время податливо. Оно замедляется под воздействием одних чувств, разгоняется под напором других, а подчас вроде бы куда-то пропадает, но в конце концов достигает того предела, за которым и в самом деле исчезает, чтобы больше не вернуться.

Перенос тактильных ощущений 1) от действия фактуры (время калибрует), 2) формы (время изгибается и описывает петлю); 3) слуховых ощущений от высоты и периодичность звука (время движется вперед заботами настенных и наручных часов: тик-так, тик-так); 4) темпоральной характеристики ощущения (время течет параллельным курсом, замедляется под воздействием одних чувств, разгоняется под напором других) и др. на употребление синтагматических конструкций в приведенном примере структурирует модель образа время. Образ при этом рассматривается как составляющая субъективной авторской концепции, а выделенные ощущения представляют собой эпикритическую чувствительность, связанную с индивидуальным мышлением. Один из важнейших элементов модели образа время для автора эпохи постмодерна – это эволюция отражения ощущаемой реальности до ее отсутствия (время достигает предела, время исчезает, чтобы больше не вернуться). В продолжение проанализируем еще один фрагмент...*история, которая вершится у нас перед носом, должна, казалось бы, видаться наиболее отчетливой, а на деле она наиболее расплывчата. Мы существуем во времени, оно нас и формирует, и калибрует, а к тому же служит мерилom истории, так ведь? Но если мы не понимаем сущность времени, не можем постичь тайну его хода и скорости, что уж говорить об истории – пусть даже о нашем личном ее отрезке, кратком и почти не документированном?* Такие экстероцептивные ощущения, как зрительные, вербализуемые с помощью синтагматических конструкций *видеться наиболее отчетливой, видеться наиболее расплывчатой* (об истории), и интероцептивные ощущения, объективированные в примерах (*радость или боль учит нас; время податливо*), также участвуют в формировании образа время. История как метафора времени и время как метафора истории (мерило истории), включая одновременно две различные модальности (обратимое и необратимое время), отражают стремительность течения

процессов, за которыми не успевают сформироваться иные реалии и ценности, отличные от *тирании и бунта, войны и мира, обогащения и обнищания*.

История развития человечества является олицетворением хода времени.

История – это сэндвич с луком, сэ.

– Почему же?

– *Да потому, что и то и другое повторяется, сэ. И оставляет после себя отрыжку. В этом учебном году мы не раз видели тому подтверждение. Один и тот же навязший в зубах сюжет, одни и те же крайности – тирания и бунт, война и мир, обогащение и обнищание.* Описание интероцептивных ощущений дополняет субъективный образ течения времени с помощью следующих *сравнений*: *история – это сэндвич с луком; история оставляет после себя отрыжку; история – один и тот же навязший в зубах сюжет.*

Как уже отмечалось, ощущение автором времени смешанное: внешнее время как элемент описания действительности (*время объективное*) и время как мера существования человека (*время собственное*):

Ниспровергатели времени говорят: сорок – это не возраст, пятьдесят – самый расцвет, шестьдесят – это новые сорок, и так далее. Я твердо знаю одно: есть субъективное, которое ты носишь на внутренней стороне запястья – там, где пульс. И твое собственное, то есть истинное время, измеряется твоими отношениями с памятью. Потому-то и приключилась та странность: когда на меня вдруг нахлынули эти новые воспоминания, ощущение было такое, будто время ненадолго повернуло вспять. Как река, ненадолго устремившаяся вверх по течению. В данном контексте наблюдается противопоставление **метафор** времени:

– *время, которое ты носишь на внутренней стороне запястья* (ср. фразеологизм *‘держать руку на пульсе’*) и

– *время измеряется твоими отношениями с памятью* (ср. афоризмы *‘прошлое нельзя забыть, его можно переосмыслить’; ‘мы вопрошаем и допрашиваем прошедшее, чтобы оно объяснило нам наше настоящее и намекнуло о нашем будущем’*). Это противопоставление образов, однако, не является резким. Они тесно связаны между собой внутренним смыслом. С одной стороны, в понимании феномена времени автор, соединил различные подходы и концепции ученых-мыслителей, заимствуя все самое ценное. Вспомним, к примеру, восприятие времени А. Бергсоном, который полагал, что время как одна из координат некоторой движущейся точки и как определенного рода величина жизни человека – это «не одно и то же время», «это различные реальности» [3, 17]. С другой стороны, он считает, как нам представляется, что познание этих реальностей направлено на то, чтобы «примирить» их, не перешагнуть границу, которая связывает старое и новое, понять, что является важным в этой связи и что должно быть *зафиксировано* в сознании. Ср. в следующем примере: *...в молодости мы полагаем, что способны просчитать, какие болячки и горести могут прийти с возрастом. Мысленно рисуем одиночество, развод, вдовство, отдаление детей, кончину друзей. Предвидим потерю статуса, утрату влечений – и собственной привлекательности. Можно пойти еще дальше и рассмотреть приближение смерти, которую всегда встречаешь в одиночестве, даже если рядом близкие. Все это – взгляд*

будущее. Но гораздо труднее не просто заглянуть в будущее, а из будущего оглянуться назад. Узнать, какие новые эмоции приносит с собой время. Обнаружить, например, что с уменьшением числа очевидцев становится все меньше доказательств твоей жизни, а потому и меньше уверенности в том, кто ты есть и кем был. Даже если скрупулезно вести архив – собирать дневники, звукозаписи, фотоматериалы, – впоследствии может оказаться, что фиксировать нужно было нечто совсем другое. Здесь Дж. Барнс не ограничивается перечислением когнитивных признаков образа времени как субъективной реальности (по И. Канту, время имеет только эмпирическую, то есть субъективную реальность), вербализованных такими лексемами и синтагматическими конструкциями, как: *одиночество, развод, вдовство, отдаление детей, кончина друзей, потеря статуса, утрата влечений, утрата собственной привлекательности, уменьшение числа очевидцев, уменьшение уверенности в том, кто ты есть и кем был, приближение смерти.* Он идет далее и осмысливает то, что должно уравновесить прошлое, настоящее и будущее. Появляется новая **метафора времени**, а именно: *время – новые эмоции.* Автор постмодернистского периода соединяет в своей концепции две идеи. Во-первых, идею Ницше о Вечном Возвращении: «Круг возвращения не подобен действительным или мыслимым круговоротам в мире; он неопределим, тогда как последние оказываются только определенными. И первичный закон этого круговорота не подобен законам природы: его невозможно представить в качестве модели, невозможно определить, тогда как законы природы представляют собой действующие правила событий в мире» [6]. Во вторых, идею Делёза о Возвращении Того же Самого: «Возвращается одно утверждение, возвращается единственно то, что может быть утверждено, только радость возвращается назад. Всё, что можно отрицать и что может отрицать, – всё это отвергается в самом движении Вечного Возвращения» [5]. Такое соединение свидетельствует о том, что система познания автора – открытая система, как и система постмодернизма в целом. **Парадокс из будущего оглянуться назад** подчеркивает необходимость обновленного отношения к жизни, к прошлым событиям в ней. Следует не действовать бессознательно, а понять, как пережитое событие отразилось на тебе, и как избежать опасности прожить жизнь, воспринимая ее как *причинение ущерба, предчувствие конца* без «Вечного Возвращения», фиксируя *нечто совсем другое*, что сможет привести к рождению нового на основе синтеза со старым. На базе подобного соединения рождались те явления, которые и стали определяющими для постмодернизма.

Итак. Процесс, посредством которого модуль-отношение «ощущения – вербализованные образы», возникающий как индивидуальное состояние, репрезентирует субъективные коды, является процессом трансформирования смысловой модели авторского дискурса. Ощущения, восприятие – это источники информации, которая приобретает свое кодовое воплощение. Или иначе: это инвариантная информация об образе объекта, существующая в кодовой форме.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвоантропология дискурса / Н.Ф. Алефиренко // Антропология языка. Выпуск 2. – М.: Флинта, 2012. – С. 108-117.
2. Барнс Дж. Предчувствие конца // Дж. Барнс. Пер. Е. С. Петровой. – М.: Эксмо-Пресс, 2013. – 224 с.
3. Блауберг И.И. Анри Бергсон и философская деятельность / И.И. Блауберг // Бергсон А. Собрание сочинений. Том первый. – М.: «Московский клуб», 1992. – С. 6-44.
4. Дорошевский В. Элементы лексикологии и семиотики / В. Дорошевский. – М.: Прогресс, 1973. – 285 с.
5. Емелин В.А. Постмодернизм: проблемы и перспективы, 1999 URL: <http://emeline.narod.ru/problems.html> (дата обращения: 28.10.2016).
6. Ясперс К. Ницше. Введение в понимание его философствования, 2003 URL: <http://scibook.net/pervoistochniki-filosofii-knigi/amor-fati-6988.html> (дата обращения: 28.10.2016).

References

1. Alefirenko N.F. The Anthropology of Language. Issue 2 (2012): P. 108-117.
  2. Barns Dzh. The Sense of an Ending. Transl. by E. S. Petrova. Moscow: Eksmo-Press, 2013. - 224 p.
  3. Blauberger I.I. Anri Bergson and Philosophical Activities. Vol. 1. Moscow: Moskovskiy klub, 1992. - 6-44 pp.
  4. Doroshevskiy V. Elements of Lexicology and Semiotics. Moscow: Progress, 1973. – 285 p.
  5. Emelin V.A. Postmodernism: Problems and Perspectives (1999). Available at: <http://emeline.narod.ru/problems.htm> (Accessed 28 October 2016).
- Yaspers K. Nietzsche. Introduction to understanding Nietzsche's philosophy. S.-Petersburg: Vladimir Dal', 2003. Available at: <http://scibook.net/pervoistochniki-filosofii-knigi/amor-fati-6988.html> (Accessed 28 October 2016).

УДК 81

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЯЗЫКА В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕВОДА

Томонова Анна Александровна
магистрант группы 020511091683
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия
anechka.tomonova.93@yandex.ru

Научный руководитель: Седых Аркадий Петрович
профессор, доктор филологических наук
заведующий кафедрой немецкого и французского языков
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия
sedykh@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы реализации культурных особенностей языка, проблемы восприятия, понимания распознанной единицы, отражения ее экспрессивно-стилистической функции при переводе на примере пословиц и фразеологизмов, а также культурных реалий французского и русского языка. На примере фразеологизмов, взятых из художественных произведений отечественных и зарубежных авторов, освещаются вопросы взаимодействия и взаимоявления языка и культуры, и социокультурные проблемы перевода,